

Научная статья

УДК 947.07

<https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-18-27>

Реализация региональной национальной политики на рубеже XX–XXI веков: из управленческого опыта Челябинской области

Андрей Александрович Авдашкин

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия, adrianmaricka@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8169-2755>

Аннотация. Статья посвящена реализации национальной политики на территории Челябинской области в период 1989–2004 гг. Этот хронологический отрезок пока не получил освещения в научной литературе, наблюдается немало территориальных и содержательных лакун. Основу источниковой базы составили материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), пользу принесли документы центральных и региональных органов власти. Политический транзит, происходивший в эти годы, сопровождался ломкой многих политических и социальных институтов на фоне существенного роста этнокультурного самосознания населения, что потребовало пристального внимания к организации связей между этнокультурными общественными объединениями и региональными органами власти. Для стимулирования деятельности этнических организаций регулярно организовывались просветительские и благотворительные мероприятия, дни и фестивали национальных культур, религиозные и светские праздники. Взаимодействие общественных объединений и властей позволило сделать национально-культурные учреждения полноправными и активными участниками регионального этнополитического процесса. Представленная статья призвана частично заполнить историографическую лакуну и оформить представление о подходах в реализации национальной политики на региональном уровне. В развитии региональной национальной политики в рассматриваемый период можно выделить два этапа. На первом этапе (1989–1991 гг.) возникла сеть национально-культурных обществ, занятых преимущественно вопросами развития культуры, языка и образования. Объединения работали несогласованно, отсутствовала необходимая нормативная база и институты реализации национальной политики. Сказывались нехватка практического опыта и трудности, вызванные трансформацией российского государства. На втором этапе (1991–2004 гг.) совершенствовались нормативно-правовая база и концептуальные основы национальной политики. Более тесное взаимодействие общественных организаций и областных властей позволило сделать национально-культурные учреждения полноправными и активными участниками регионального этнополитического процесса.

Ключевые слова: государственная национальная политика, межэтнические отношения, национально-культурные общества, Урал, Челябинская область

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00467, <https://rscf.ru/project/25-18-00467/>

Для цитирования: Авдашкин А. А. Реализация региональной национальной политики на рубеже XX–XXI веков: из управленческого опыта Челябинской области // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10, вып. 4. С. 18–27.* URL: <https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/44-magistra-vitae-4-2025.html> <https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-18-27>

Scientific article

<https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-18-27>

Implementation of Regional National Policy at the Turn of the XX–XXI Centuries: Case-study of the Chelyabinsk Region

Andrey A. Avdashkin

Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation, adrianmaricka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755>

Abstract. This article examines the implementation of national policy in the Chelyabinsk Region from 1989 to 2004. This period has not yet been covered in the academic literature, and numerous gaps in both geographic and substantive aspects are evident. The source material consists of materials from the State Archives of the Russian Federation (GARF) and the United State Archives of the Chelyabinsk Region (OGACHO), as well as documents from central and regional government agencies. The political transition that occurred during these years was accompanied by the collapse of many political and social institutions against a backdrop of a significant growth in the ethnocultural self-awareness of the population, which required close attention to the organization of relations between ethnocultural public associations and regional authorities. To stimulate the activities of ethnic organizations, educational and charitable events, days and festivals of national cultures, and religious and secular holidays were regularly organized. The interaction between public associations and authorities made it possible for ethnocultural institutions to become full-fledged and active participants in the regional ethnopolitical process. This article aims to partially fill a historiographical gap and provide an understanding of approaches to the implementation of national policy at the regional level. Regional national policy during the period under review underwent two stages. During the first stage (1989–1991), a network of national cultural societies emerged, focused primarily on issues of cultural, language, and educational development. The associations worked in disorganized fashion, and the necessary regulatory framework and institutions for implementing national policy were lacking. One could notice the lack of practical experience and the difficulties caused by the transformation of the Russian state. During the second stage (1991–2004), the legal framework and conceptual foundations of national policy were improved. Closer interaction between public organizations and regional authorities enabled national cultural institutions to become full-fledged and active participants in the regional ethnopolitical process.

Keywords: state national policy, interethnic relations, national cultural societies, Urals, Chelyabinsk Region

Funding. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-18-00467, <https://rscf.ru/project/25-18-00467/>

For citation: Avdashkin AA. Implementation of Regional National Policy at the Turn of the XX–XXI Centuries: Case-study of the Chelyabinsk Region. *Magistra Vitae. Electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2025;10(4):18-27. (In Russ.). URL: <https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/44-magistra-vitae-4-2025.html> <https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-18-27>

Введение

Реализация национальной политики, в особенности в условиях переформатирования социальных и политических институтов 1990-х — начала 2000-х гг., является предметом всё более пристального интереса ученых. Эти процессы были наиболее отчетливо заметны в полиэтничных регионах, в числе которых Челябинская область, где исторически сложилось динамичное поле межкультурных взаимодействий. Преобразования российского общества актуализировали поиск рычагов управления этнокультурным многообразием в российских регионах. В период политического транзита конца 1980-х — начала 2000-х гг. социальная мобилизация и институционализация сообществ, сформированных по этническому признаку, привели к формированию и развитию

целой сферы специфических общественных связей. Практики национальной политики в регионе приобрели оформленный вид, когда на основе региональной концепции национальной политики в 2003 г. правительство Челябинской области утвердило основные направления реализации национальной политики на 2004–2010 гг.¹

На сегодняшний день в регионе работает свыше 140 различных этнокультурных обществ и объединений². Для стимулирования деятельности таких организаций ежегодно проводятся различные про-

¹ Постановление правительства Челябинской области от 18 декабря 2003 г. № 140 «Основные направления реализации государственной Национальной политики в Челябинской области на 2004–2010 годы».

² Национально-культурные объединения // Дом дружбы народов Челябинской области. URL: <http://ddnchel.ru/partners/national-associations/>

светительские и благотворительные мероприятия, дни и фестивали национальных культур, религиозные и светские праздники и т. д. Сложившиеся практики позволили сделать национальную политику в регионе более открытой и ориентированной на удовлетворение интересов широких слоев населения.

Представленная статья посвящена реализации национальной политики в Челябинской области в 1989–2004 гг. Нижняя хронологическая грань определена принятием платформы национальной политики партии в 1989 г., принятие которой запустило новые процессы в отношениях власти и общественных объединений, сформированных по этническому признаку. Верхняя грань обусловлена принятием документа об основных направлениях реализации государственной Национальной политики в Челябинской области на 2004–2010 гг. Сложившаяся в этих хронологических рамках этнополитическая конфигурация до настоящего времени определяет проведение региональной национальной политики.

Основной массив источников составили архивные материалы. Из Государственного архива Российской Федерации привлекались документы фонда органов национальной и региональной политики (ГАРФ. Ф. 10121). Из Объединенного государственного архива Челябинской области привлекались документы областного Совета народных депутатов и его исполнительного комитета (ОГАЧО. Ф. Р-274), областного комитета КПСС (Ф. П-288), Администрации Челябинской области (ОГАЧО. Ф. Р-700), Управления Министерства юстиции по Челябинской области (ОГАЧО. Ф. Р-1041) и Главного управления культуры (ОГАЧО. Ф. Р-1589).

То, как складывалась история управленческих структур, в функционал которых входило регулирование российских межнациональных отношений, демонстрирует неоднозначное отношение к решению изучаемых вопросов. Так, за отрезок декабря 1991 — февраля 2004 г. ответственность за реализацию государственной национальной политики возлагалась на 11 руководителей: семь глав восьми федеральных органов исполнительной власти по национальной политике и федеративным отношениям (государственных комитетов и министерств), один министр региональной политики РФ, два главы Госкомсевера (в 1991–1994 гг. это был Государственный комитет РФ по социально-экономическому развитию Севера, в 1995–1998 гг. — Государственный комитет РФ по вопросам развития Севера, в 1999–2000 гг. —

Государственный комитет РФ по делам Севера), а также один министр «без портфеля» [Никитин, 2014, с. 249]. Если историческая картина на уровне центральных органов власти выглядит более или менее определенной [Савинов, 2020; Садовой и др., 2020; Полунов, 2021], то на региональном уровне немало территориальных и содержательных лакун.

Реализация национальной политики в уральских регионах, прежде всего в Оренбуржье и Прикамье привлекает всё большее внимание ученых [Амелин, 2003; 2004; 2015; Черных, Каменских, 2016; Амелин, Моргунов, 2017]. В Челябинской области тоже сложился определенный опыт. В диссертационных исследованиях Г. А. Туник и О. Н. Максимовой на примере Челябинской области рассмотрены механизмы политико-правового регулирования этнокультурной сферы жизни российского общества [Туник, 2000; Максимова, 2006]. На страницах трудов историков рассматривается проведение региональной национальной политики в период трансформации российской государственности, описано, как создавались и функционировали национально-культурные объединения Челябинской области [Галигузов, 2000; Алмаева, 2008; Моргунов, 2013; Москвин, 2013]. Выделим также сборник материалов, посвященных формированию и развитию партнерских отношений национальных обществ и региональных властей³. Однако опыт национальной политики в переходный период, когда государственные институты еще не были сформированы или оказывались не всегда эффективны, пока практически не осмыслен. Кроме того, до настоящего времени национальная политика на региональном уровне не становилась предметом специального обзора [См.: Дробижева, 2021].

Основное содержание

Ориентиры национальной политики позднесоветского периода (1989–1991 гг.) связаны с принятой в 1989 г. платформой национальной политики партии⁴. В перестроечный период практически отсутствовала целенаправленная и продуманная национальная политика. На положение в этой сфере жизни общества влияла общая либерализация политики государства в области идеологии и регулирования инициативных движений граждан

³ См.: Государство и национально-культурные объединения: социальное партнерство. Челябинск: Правительство Челяб. обл. 2004.

⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19–20 сентября 1989 г. М., 1989. С. 17–18.

[Чешко, 2014, с. 20]. Смена векторов национальной политики и рост этнокультурных запросов населения привели к возникновению национально-культурных обществ и центров. Областные власти, этнокультурные объединения и общественность искали оптимальные механизмы соблюдения интересов этнических групп, населяющих Челябинскую область. Первым шагом стало создание общественных организаций. По всей стране экологические, социально-экономические причины роста активности населения преломлялись сквозь национальную тематику. Власти на местах отмечали рост активности общественных движений, создание этническими группами культурных центров и объединений⁵. Так, в 1989 г. в Челябинской области создаются центр татарской и башкирской культуры, еврейский и немецкий культурные центры.

Для мониторинга деятельности возникших национальных движений в 1989 г. в идеологическом отделе обкома КПСС возник сектор по вопросам межнациональных отношений и по работе с самодеятельными общественными формированиями⁶. При областном Совете народных депутатов Челябинской области в 1990 г. создаются сектор межнациональных отношений и комиссия по науке, народному образованию, культуре и национальным вопросам⁷. Однако в эти годы еще только определялись направления проведения национальной политики. Признаем, что системных мер принять в отношении национальных объединений власти практически не успели [Подробнее см.: Авдашкин, 2014].

Распад СССР внес существенные изменения в проведение национальной политики. Трансформация региональной политической системы и конфликт элит, достигший своего апогея в 1993 г., известны как «двоевластие»⁸. Это выражалось в борьбе за властные ресурсы между областной администрацией и областным Советом народных депутатов. В 1991–1993 гг. основные рычаги реализации национальной политики сосредоточились в руках Совета, тогда как администрация губернатора для этого возможностей еще практически не имела. Органами, созданными при Совете, проведен значительный объем работы и налажено сотрудничество с этнокультурными общественными объединениями. Выделялись средства на деятельность национально-культурных центров, создава-

лись кружки по обучению родному языку и др.⁹ Развязка политического противостояния в центре осенью 1993 г. привела к ликвидации системы советов. Передел сфер влияния и полномочий способствовал тому, что многие социально значимые вопросы уходили на второй план и решались по «остаточному» принципу.

К середине 1990-х гг. национальный фактор в жизни российского общества всё больше политизировался и уже привел к дестабилизации ситуации в ряде регионов страны. Некоторые представители этноэлит использовали риторику о нацистроительстве и национальные движения как инструмент в борьбе за власть¹⁰. Серьезное негативное воздействие на межнациональные отношения в этот период оказывала безработица, правовая неурегулированность земельных и других отношений, наличие и обострение территориальных споров, проявление этнократических устремлений¹¹.

Требовалось формирование правовых механизмов национальной политики и создание «единого пространства» управления межнациональными отношениями. При этом продолжилась институционализация этничности. Этнокультурное возрождение затронуло практически все этнические группы региона. В эти годы возникают украинский, корейский, грузинский культурные центры и многие другие национально-культурные объединения. В общей сложности в 1995 г. в Челябинской области работали 44 национально-культурных центра. Татаро-башкирских — 16, башкирских — 5, татарских — 3, украинских — 4, немецких — 4, еврейских — 3, русских и славянских — 6, финно-угорский, мордовский, корейский, грузинский. Данные организации возникли на энтузиазме «неравнодушных, болеющих за возрождение своего народа, традиций, культуры и языка людей»¹².

Новый виток в развитии национальной политики был положен в 1996 г. после принятия закона «О национально-культурной автономии» и утверждения Концепции национальной политики в Российской Федерации¹³. Принятие закона

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3573. Л. 27–31.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 2. Д. 46. Л. 6–7.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98489/

¹² ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 2949. Л. 61.

¹³ Федеральный закон от 17 июня 1996 № 74 «О национально-культурной автономии»; Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1996

⁵ ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 81. Л. 19

⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 201. Д. 937. Л. 9.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3526. Л. 2; Д. 3710. Л. 22.

⁸ Известия. 1993. 18 июня. С. 2.

поставило вопрос о механизме его реализации. Это было связано с деятельностью более чем полтора тысяч национально-культурных объединений по всей стране, которые до тех пор не имели поддержки государственных органов. Отсутствовали координация и взаимодействие в пределах одного субъекта Федерации нескольких общественных объединений представителей даже одной национальности. После принятия закона в центре и на местах началась его апробация, выявлялись позитивные и негативные стороны реализации новой формы объединения граждан. Выдвигалась идея создания Российской ассамблеи народов, которая могла бы завершить вертикаль взаимоотношений между этнокультурными объединениями, клубами, землячествами и этнополитикой, исходящей от органов власти.

Во второй половине 1990-х гг. шло определение приоритетов областной власти в сфере реализации региональной национальной политики. Так, для поиска новых практик национальной политики в Челябинске прошла конференция «Проблемы выработки эффективных механизмов регулирования межнациональных отношений в Челябинской области»¹⁴. В ней приняли участие представители всех национально-культурных объединений и ветвей власти. Оптимальным механизмом реализации региональной национальной политики была предложена Ассамблея народов области.

Для объединения усилий национально-культурные центры в 1996 г. создали Ассамблею народов Челябинской области¹⁵. Преимущество этой формы объединения заключалось в возможности обмена опытом активистами обществ, выработке единой точки зрения по тем или иным вопросам, координации инициатив и т. д. По мнению Г. А. Туник, всё это происходило по инициативе «снизу» [Туник, 2000, с. 65]. Примечательно, что Ассамблея народов Челябинской области стала одной из первых в стране¹⁶. В Магнитогорске по инициативе этнокультурных обществ создается Магнитогорский центр национальных культур. Активными участниками его деятельности стали русско-славянский, татарский, башкирский, ев-

№ 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации».

¹⁴ Постановление Главы администрации Челябинской области от 3 декабря 1996 № 712 «О проведении конференции по проблемам выработки эффективного механизма регулирования национальных отношений в Челябинской области». URL: <http://zakon-region.ru/1/144259/>

¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 1042. Л. 105.

¹⁶ Вечерний Челябинск. 1999. 28 апреля. С. 3.

рейский, немецкий культурные центры, казачья община и ряд других диаспор [Галигузов, 2000, с. 497–498]. Регулярно о работе центра читателей информировала специальная страничка «Рукопожатие», размещенная в газете «Магнитогорский рабочий».

Для мониторинга сферы межнациональных отношений в 1997 г. при областной администрации создается комитет по делам национальностей, религии и общественных организаций, перешедший позднее в информационно-аналитическое управление администрации¹⁷. Несмотря на то, что в стране наметилась тенденция осложнения межнациональных отношений, в Челябинской области, по заключению экспертов, удалось сохранить стабильную ситуацию¹⁸. Важно, что, несмотря на сложное положение в стране, Челябинская область не входила ни в один из поясов межэтнической напряженности¹⁹, сложившихся в 1990-е гг. [Тишков, 2012, с. 423].

В январе 1998 г. в Ижевске прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Механизмы реализации концепции государственной национальной политики Российской Федерации: региональный опыт». С докладом о взаимодействии органов исполнительной власти и национально-культурных объединений выступил председатель комитета по делам национальностей В. В. Добрынин. Докладчик подчеркнул, что ситуация в Челябинской области отличалась стабильностью²⁰. Наиболее «продуманно и системно работа с национальными группами» велась в следующих муниципалитетах и городах Челябинской области: Нагайбакский, Кунашакский и Аргаяшский районы, Челябинск и Златоуст²¹.

В 1998 г. была принята концепция региональной национальной политики Челябинской области²². Данный документ определял общие подходы к реализации национальной политики в сложившейся

¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 329. Л. 11; Д. 566. Л. 35–40

¹⁸ Там же. Д. 728. Л. 29.

¹⁹ В Российской Федерации в этот период выделились три очага этнической нестабильности: на Северном Кавказе, в Волго-Уральском регионе с центрами повышенной конфликтности в Татарстане и Калмыкии, третий очаг располагался на юге Восточной Сибири.

²⁰ ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 585. Л. 6.

²¹ Челябинский рабочий. 1998. 8 декабря. С. 3.

²² Решение Коллегии при губернаторе Челябинской области от 10 декабря 1998 г. № 17/4 «О концепции региональной национальной политики Челябинской области».

Таблица 1

Динамика этнического состава населения Челябинской области в 1989–2002 гг.*

Table 1

Ethnic composition dynamics of the population in the Chelyabinsk region in 1989–2002

Этническая группа	1989	2002
Русские	2 929 507	2 965 885
Украинцы	109 615	76 994
Белорусы	29 068	20 355
Узбеки	3 475	3 057
Казахи	33 230	36 219
Грузины	1 256	1 796
Азербайджанцы	3 475	7 379
Литовцы	702	497
Молдаване	2 431	1 907
Латыши	620	449
Киргизы	931	604
Таджики	870	5 125
Армяне	2 293	8 601
Эстонцы	791	504
Башкиры	161 169	166 372
Лезгины	440	551
Коми	484	267
Греки	360	767
Марийцы	4 275	3 695
Мордва	27 095	18 138
Осетины	568	383
Татары	224 605	205 087
Удмурты	4 388	3 344
Чеченцы	566	1 249
Чуваши	12 659	9 483
Евреи	11 067	4 930
Коми-пермяки	596	498
Цыгане	2 486	3 324
Болгары	1 770	1 284
Корейцы	463	959
Немцы	39 215	28 457
Поляки	1923	1 710

* Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

в регионе этнополитической ситуации. Здесь же отмечалось, что после распада СССР Челябинская область стала пограничной территорией. Это требовало помимо решения «традиционных» задач, связанных с проведением национальной политики, еще и необходимости обустройства многочисленных беженцев, учета фактора миграции иноэтничного населения из стран ближайшего и дальнего зарубежья [Суворова и др., 1997; Попов и др., 2002; Суворова, 2002; Проскуракова 2008].

Сфера региональной национальной политики получила новые импульсы развития, нарабатывался ценный практический опыт. Для изучения становления и развития областной Ассамблеи Челябинск посетил председатель комитета по делам национальностей Государственной думы В. Ю. Зорин [Алмаева, 2008, с. 111]. Институт Ассамблеи динамично развивался во многих российских регионах. Уже в 1999 г. в стране насчитывалось 78 региональных объединений²³. Делегаты от Челябинской области приняли участие в съезде Ассамблеи народов России. Опыт деятельности этого института показал, что невозможность финансирования программ национально-культурного развития побуждала руководителей и активистов обществ объединять усилия, в том числе в рамках Ассамблеи²⁴.

В апреле 1999 г. в областной администрации прошел брифинг с участием представителей национально-культурных центров (немецкий, украинский, еврейский, татаро-башкирский). Общественные объединения представили органам власти свою работу в возрождении языка, традиций, культуры и национального образования²⁵.

Этнический состав населения региона претерпел заметные изменения, в том числе под воздействием трансграничных миграций (табл. 1). Миграции и институционализация этничности привели к увеличению числа объектов для реализации национальной политики.

Начало 2000-х гг. отмечено укреплением государственных институций и повышением внимания к сфере межэтнических отношений. Возникают новые органы, способствующие проведению национальной политики. Так, в 2001 г. при Законодательном собрании области создается общественный Совет по межнациональным, межконфессиональным отношениям и работе с общественными организациями. Члены Совета осуществляли экспертизу проекта «Основных

²³ Южноуральская панорама. 1999. 25–31 марта. С. 4.

²⁴ Челябинский рабочий. 1999. 13 мая. С. 2.

²⁵ ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 731. Л. 81.

направлений реализации государственной национальной политики в Челябинской области» [Гумницкая, 2003, с. 194]. Требовалось создание новых институций, способных обеспечить прямую коммуникацию местных властей и многочисленных национальных общин. Ассамблея народов области обсуждала идею создания координационного Совета по межнациональным отношениям при губернаторе области²⁶. Губернатор П. И. Сумин в 2002 г. встретился с предста-

²⁶ ОГАЧО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 463. Л. 30.

вителями национально-культурных центров области и выступил с инициативой создания такого Совета. На встрече присутствовали представители 30 культурных центров, вновь поднимался давний вопрос о создании Дома дружбы народов²⁷. В итоге в июле 2002 г. было подписано постановление губернатора о создании консультативного совета по межнациональным отношениям²⁸. С целью укрепления социально-политической стабильности в регионе комитет по делам национальностей, религиозных и общественных организаций и правоохранительные органы обязывали проводить мониторинг межэтнических отношений, оперативно анализировать конфликты, в основе которых могла быть этническая подоплека²⁹.

Всего к началу реализации первой региональной программы государственной национальной политики на территории Челябинской области действовали 37 национально-культурных объединений: татаро-башкирских — 4, башкирских — 6, татарских — 4, славянских — 4, немецких — 5, еврейских — 4, армянских — 2, казахский, азербайджанский, таджикский, грузинский, финно-угорский, дагестанский, корейский и курдский культурные центры³⁰. По сравнению с серединой 1990-х гг. заметно сократилось число татаро-башкирских объединений, прекратили деятельность украинские культурные общества. При этом появились новые участники регионального этнополитического процесса: азербайджанский, таджикский, армянский, казахский и курдский культурные центры.

Заключение

Региональная национальная политика в рассматриваемый период прошла два этапа. На первом этапе (1989–1991 гг.) возникла сеть национально-культурных обществ. Они занимались развитием культуры, языка и образования. Объе-

динения работали несогласованно, отсутствовали необходимая нормативная база и институты реализации национальной политики. Сказывались нехватка практического опыта и трудности, вызванные трансформацией российского государства. На втором этапе (1991–2004 гг.) совершенствовались нормативно-правовая база и концептуальные основы национальной политики. Более тесное взаимодействие общественных организаций и областных властей позволило сделать национально-культурные учреждения полноправными и активными участниками регионального этнополитического процесса.

Выводы

Исторический опыт показал, что дальнейшее развитие государственной национальной политики в крае может осуществляться на основе следующих направлений:

развитие «инфраструктуры» региональных и муниципальных учреждений для формирования и совершенствования системы реализации государственной национальной политики;

обобщение и распространение положительных региональных и муниципальных практик (дискуссионные площадки для обмена опытом, научно-практические конференции, круглые столы, благотворительные и просветительские проекты, деятельность координационных советов, обсуждение программ и их реализация и т. д.);

мониторинг межэтнических отношений. Подчеркнем, что до настоящего времени этот механизм национальной политики так и не выстроен в четкую систему сбора и анализа информации о состоянии межэтнических отношений. Российские регионы идут двумя путями. Первый предполагает создание системы мониторинга исходя из учета местных задач. Во втором случае регионы ждут, когда «начало» системной работы в этом направлении будет положено по инициативе центра;

информатизация сферы национальной политики, распространение знаний об истории и культуре как отдельных народов, так и создание просветительских интернет-ресурсов, посвященных определенным регионам страны или даже муниципалитетам в составе Челябинской области. В этой связи ощутима необходимость в развитии этнокино, инициировании этновыставок и др. просветительских проектов.

²⁷ Челябинский рабочий. 2002. 16 мая. С. 1.

²⁸ Постановление Губернатора Челябинской области от 23 июля 2002 № 377 «О Консультативном совете по национальным вопросам при Губернаторе Челябинской области». URL: <http://zakon-region.ru/1/136919>

²⁹ Постановление Губернатора Челябинской области от 17 октября 2002 № 503 «О предупреждении конфликтов на национальной почве» URL: <https://docs.cntd.ru/document/444944931>

³⁰ Государство и национально-культурные объединения: социальное партнерство. Челябинск : Правительство Челяб. обл., 2004. С. 12–13.

Список литературы

1. Авдашкин А. А. Этнокультурная политика региональных органов власти (на примере Челябинской области в 1989–1993 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5. С. 92–97.
2. Алмаева Л. М. Опыт национальной политики на Южном Урале: история и современность // Южный Урал в судьбе России: история и современность. Челябинск, 2008. С. 109–113.
3. Амелин В. В. Современные этносоциальные процессы на евразийском пространстве и задачи сохранения этнополитической стабильности (пример Оренбуржья) // Россия и мусульманский мир. 2003. № 5. С. 51–65.
4. Амелин В. В. Сохранение культурного многообразия как основа стабильности в полиэтничном в многоконфессиональном регионе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 13. С. 11–15.
5. Амелин В. В. Этнокультурная политика в многонациональном регионе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 1. С. 159–174.
6. Амелин В. В., Моргунов К. А. Роль органов местного самоуправления в реализации государственной национальной политики в Оренбургской области // Вестник Российской нации. 2017. № 3. С. 61–88.
7. Галигузов И. Ф. Народы Южного Урала: история и культура. Магнитогорск, 2000. 573 с.
8. Государство и национально-культурные объединения: социальное партнерство. Челябинск : Правительство Челяб. обл., 2004. 94 с.
9. Гумницкая Е. В. Опыт взаимодействия органов государственной власти и общественности по вопросам этнокультурной политики в рамках общественного совета по межнациональным, межконфессиональным отношениям и работе с общественными организациями // Возрождение культуры народов Челябинской области : материалы регион. науч.-практ. конф., 15 дек. 2003 г. Челябинск : ЧГАКИ, 2003. С. 192–195.
10. Дробижеева Л. М. Опыт 1990-х гг. и управление культурным разнообразием // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 49–61.
11. Максимова О. Н. Этнокультурная политика в субъектах Российской Федерации Южного Урала на современном этапе : дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. 198 с.
12. Моргунов К. А. Создание и практика этнокультурной деятельности национально-культурных общественных объединений Челябинской области (1988–1991 гг.) // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтничном пространстве: исторический опыт и современность. Оренбург, 2013. С. 108–117.
13. Москвин И. Ю. Национальная политика на Южном Урале 1988–2012 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2013. 235 с.
14. Никитин М. А. Эволюция государственной национальной политики России (период Минрегиона РФ) // Вестник Российской нации. 2014. № 6 (38). С. 246–268.
15. Полунов А. Ю. Научное обеспечение государственной национальной политики в 1990-е — начале 2000-х гг.: концептуальные и институциональные основы // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 7–21.
16. Попов А. Н., Суворова Н. Н., Спицын А. Н. Управление миграционной безопасностью (Региональный аспект). Челябинск, 2002. 170 с.
17. Проскуракова О. Л. Миграционные процессы на Южном Урале в постсоветский период : дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. 205 с.
18. Савинов Л. В. Национальная политика в современной России: концептуальная модель и ее реализация // Вестник Российской нации. 2020. № 2 (72). С. 9–17.
19. Садовой А. Н., Белозерова М. В., Зиновьев В. П., Кулемзин В. М. Исторический и этносоциальный аспекты анализа эффективности национальной политики российского государства XIX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 178–189.
20. Суворова И. Н. Воспроизводство населения и его миграция (на примере Челябинской области) // Этнопанорама. 2002. № 1. С. 72–75.
21. Суворова Н. Н., Журавлев А. В., Иванова Т. М. Анализ миграционных процессов на территории Челябинской области. Челябинск, 1997. 34 с.
22. Тишков В. А. Этнополитика в истории постсоветской России // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М. : Новый хронограф, 2012. С. 380–444.

23. Туник Г. А. Национально-культурное развитие народов России: политико-правовое регулирование (на примере Челябинской области) : дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. 210 с.
24. Черных А. В., Каменских М. С. Региональный опыт реализации государственной национальной политики: Пермский край // Вестник Российской нации. 2016. № 3. С. 149–159.
25. Чешко С. В. Этническая политика в российской империи и СССР: исторические, политические и правовые аспекты // Вестник антропологии. 2014. № 1. С. 7–22.

References

1. Avdashkin AA. Ethnocultural Policy of Regional Authorities (Based on the Chelyabinsk Region in 1989–1993). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. History*. 2014;(5):92-97. (In Russ.).
2. Almaeva LM. Opyt nacional'noj politiki na Yuzhnom Urale: istoriya i sovremennost' = The Experience of Nationalities Policy in the Southern Urals: History and Modernity. In: *Yuzhnyj Ural v sud'be Rossii: istoriya i sovremennost' = The Southern Urals in the Fate of Russia: History and Modernity*. Chelyabinsk; 2008. Pp. 109–113. (In Russ.).
3. Amelin VV. Modern Ethnosocial Processes in the Eurasian Space and the Challenges of Maintaining Ethnopolitical Stability (the Case of the Orenburg Region). *Rossiya i musul'manskij mir = Russia and the Muslim World*. 2003;(5):51-65. (In Russ.).
4. Amelin VV. Preserving Cultural Diversity as a Basis for Stability in a Multiethnic and Multi-Confessional Region. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*. 2015;(13):11-15. (In Russ.).
5. Amelin VV. Ethnocultural Policy in a Multiethnic Region. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2004;(1):159-174. (In Russ.).
6. Amelin VV, Morgunov KA. The Role of Local Governments in the Implementation of State Ethnic Policy in the Orenburg Region. *Vestnik Rossijskoj nacii = Bulletin of the Russian Nation*. 2017;(3):61-88. (In Russ.).
7. Galiguzov IF. *Narody Juzhnogo Urala: istoriya i kul'tura = Peoples of the Southern Urals: History and Culture*. Magnitogorsk; 2000. 573 p. (In Russ.).
8. *Gosudarstvo i nacional'no-kul'turnye ob'edinenija: social'noe partnerstvo = The State and National-Cultural Associations: Social Partnership*. Chelyabinsk; 2004. 94 p. (In Russ.).
9. Gumnitskaya EV. Opyt vzaimodejstviya organov gosudarstvennoj vlasti i obshhestvennosti po voprosam jetnokul'turnoj politiki v ramkah obshhestvennogo soveta po mezhnacional'nym, mezhhkonnessional'nym otnoshenijam i rabote s obshhestvennymi organizacijami = Experience of Interaction between Government Agencies and the Public on Ethnocultural Policy Issues within the Framework of the Public Council on Interethnic, Interfaith Relations and Work with Public Organizations. *Vozrozhdenie kul'tury narodov Cheljabinskoj oblasti = Revival of the Culture of the Peoples of the Chelyabinsk Region*. Chelyabinsk, ChGAKI. December 15, 2003. Chelyabinsk; 2023. Pp. 192–195. (In Russ.).
10. Drobizheva LM. Experience of the 1990s and the Management of Cultural Diversity. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2021;(8):49-61. (In Russ.).
11. Maksimova ON. *Jetnokul'turnaja politika v sub'ektah Rossijskoj Federacii Juzhnogo Urala na sovremennom jetape = Ethnocultural Policy in the Constituent Entities of the Southern Urals of the Russian Federation at the Current Stage*. Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Moscow; 2006. 198 p. (In Russ.).
12. Morgunov KA. Sozdanie i praktika jetnokul'turnoj dejatel'nosti nacional'no-kul'turnyh obshhestvennyh ob'edinenij Cheljabinskoj oblasti (1988–1991 gg.) = The Creation and Practice of Ethnocultural Activities of National-Cultural Public Associations in the Chelyabinsk Region (1988–1991). *Jetnokul'turnyj i mezhhkonnessional'nyj dialog v Uralo-Povolzhskom polijetnichnom prostranstve: istoricheskij opyt i sovremennost' = Ethnocultural and Interfaith Dialogue in the Ural-Volga Polyethnic Space: Historical Experience and Modernity*. Orenburg; 2013. Pp. 108–117. (In Russ.).
13. Moskvina IYu. *Nacional'naja politika na Juzhnom Urale 1988–2012 gg = Ethnic Policy in the Southern Urals, 1988–2012*. Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Orenburg; 2013. 235 p. (In Russ.).
14. Nikitin MA. The Evolution of Russia's State Nationalities Policy (the Period of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation). *Vestnik Rossijskoj nacii = Bulletin of Russian Nation*. 2014;6(38):246-268. (In Russ.).

15. Polunov AYu. Scientific Support for State Nationalities Policy in the 1990s — Early 2000s: Conceptual and Institutional Foundations. *Vestnik Anthropologii = Bulletin of Anthropology*. 2021;(4):7-21. (In Russ.).
16. Popov AN, Suvorova NN, Spicyn AN. *Upravlenie migracionnoj bezopasnost'ju (Regional'nyj aspekt) = Migration Security Management (Regional Aspect)*. Chelyabinsk; 2002. 170 p. (In Russ.).
17. Proskuryakova OL. *Migracionnye processy na Juzhnom Urale v postsovetskij period = Migration Processes in the Southern Urals in the Post-Soviet Period*. Dissertation by Cand. Sci. (Polit.). Moscow; 2008. 205 p. (In Russ.).
18. Savinov LV. National Policy in Modern Russia: Conceptual Model and Its Implementation. *Vestnik Rossiyskoy Natsii = Bulletin of Russian Nation*. 2020;(2(72):9-17. (In Russ.).
19. Sadovoy AN, Belozerova MV, Zinoviev VP, Kulemzin VM. Historical and Ethnosocial Aspects of the Analysis of the Effectiveness of the Russian State's National Policy in the 19th-21st Centuries. *Byulleten Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. History*. 2020;(65):178-189. (In Russ.).
20. Suvorova IN. Population Reproduction and Migration (using the Chelyabinsk Region as an Example). *Etnopanorama = Ethnopanorama*. 2002;(1):72-75. (In Russ.).
21. Suvorova NN, Zhuravlev AV, Ivanova TM. Analiz migracionnyh processov v Chelyabinskoj oblasti = Analysis of Migration Processes in the Chelyabinsk Region. Chelyabinsk; 1997. 34 p. (In Russ.).
22. Tishkov VA. Ethnopolitics in the History of Post-Soviet Russia. *Etnicheskie i religioznye faktory v formirovanii i jevoljucii rossijskogo gosudarstva = Ethnic and Religious Factors in the Formation and Evolution of the Russian State*. Moscow, Novy Khronograf; 2012. Pp. 380–444. (In Russ.).
23. Tunik GA. Nacional'noe i kul'turnoe razvitie narodov Rossii: politiko-pravovoe regulirovanie (na materialah Chelyabinskoj oblasti) = National and Cultural Development of the Peoples of Russia: Political and Legal Regulation (Based on the Chelyabinsk Region). Moscow; 2000. 210 p. (In Russ.).
24. Chernykh AV, Kamenskikh MS. Regional Experience in Implementing State Ethnic Policy: Perm Krai. *Vestnik Rossiyskoy Natsii = Bulletin of Russian Nation*. 2016;(3):149-159. (In Russ.).
25. Cheshko SV. Ethnic Policy in the Russian Empire and the USSR: Historical, Political, and Legal Aspects. *Vestnik Antropologii = Bulletin of Anthropology*. 2014;(1):7-22. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Авдашкин — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

A. A. Avdashkin — Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.